

столъ забыла. Принеси его, я тебѣ на чаекъ дамъ.

Левъ Николаевичъ, ни слова не говоря, сбѣгалъ, принесъ барынѣ ключикъ и получилъ пятачокъ.

— Графъ, вы опоздаете!..—сказала князь Оболенскій и на глазахъ барыни потянулся его за руку въ вагонъ.

Барыня, смущившись, скрылась, а когда Левъ Николаевичъ появился въ вагонѣ, она, сконфуженная, подошла къ нему и стала извиняться: „Ради Бога, Левъ Николаевичъ, простите... мнѣ такъ совсѣмъ... Пожалуйста, простите“... И проситъ возвратить ей пятачокъ. „Э-э, нѣтъ!.. Пятачка не отдамъ!.. — засмѣялся Левъ Николаевичъ.— Я его заработалъ“...

Огромный это, великий человѣкъ, и большое для всѣхъ насыть счастье, что мы жили въ „вѣкѣ Толстого“, какъ, несомнѣнно, будутъ люди звать въ будущемъ наше время. Но самъ Левъ Николаевичъ былъ совсѣмъ другого мнѣнія о себѣ. Онъ всегда говорилъ о своихъ слабостяхъ, ошибкахъ съ поразительной откровенностью и простотой; никогда я не только не слыхалъ, но и не чувствовалъ душой, чтобы онъ превозносилъ себя надъ людьми хотя въ чемъ-нибудь,—напротивъ, всегда неизмѣнно чувствуешь, что это говорить съ тобой не геній, не великанъ, а твой, без-